

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-202-212
УДК 811.161.1+81.282.2+811.161.3

Взаимодействие непроизводной лексики смоленских говоров и белорусского языка (неполные лексические соответствия)

Екатерина Сергеевна ЛУНЬКОВА ✉

Смоленский государственный университет
214000, Российская Федерация, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4
✉ ttf32lunkova@mail.ru

Аннотация. В центре внимания исследования находятся конкретные непроизводные имена существительные, которые функционируют в смоленских говорах и в белорусском литературном языке на современном этапе существования этих языковых систем и являются достаточно близкими, но не тождественными образованиями в семантическом и структурном отношении. Предметом исследования стали объём лексического значения и потенциальные деривационные связи существительных, зафиксированных в двух синхронных языковых образованиях. Актуальность исследования обусловлена сложной историей русско-белорусского пограничья, которая нашла отражение как в смоленских говорах, так и в белорусском литературном языке, сложившемся на диалектной основе. Лексика русско-белорусского пограничья принадлежит к единому культурно-историческому континууму, определяемому историей региона, она отражает многообразные материальные и духовные связи носителей двух языковых идиомов. Сложность исторических отношений двух языковых систем, из которых одна является кодифицированной и имеет статус официального языка (белорусский язык), а вторая бытует только в устной форме и имеет обусловленную внутренними языковыми законами развития норму (смоленские говоры), привела к тому, что при изучении двух языковых образований на современном этапе можно говорить не только об однозначных видах соотношений между словами, но и о периферийных видах, о зонах разного рода переходов, изменениях лексической и грамматической семантики, которые потенциально могут являться точками развития двух идиомов в будущем и представляют по этой причине интерес для изучения.

Ключевые слова: смоленские говоры; белорусский язык; непроизводные существительные

Для цитирования: Лунькова Е. С. Взаимодействие непроизводной лексики смоленских говоров и белорусского языка (неполные лексические соответствия) // Неофилология. 2021. Т. 7, № 26. С. 202-212. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-202-212

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

The interaction of the underived vocabulary of the Smolensk patois and the Belarusian language (incomplete lexical matches)

Ekaterina S. LUNKOVA ✉

Smolensk State University
4 Przheval'skogo St., 214000 Smolensk, Russian Federation
✉ ttf32lunkova@mail.ru

Abstract. The work is focused on specific underived nouns that are functioning in the Smolensk patois and in the Belarusian language at the present stage of the existence of these language systems and are quite close, but not identical formations in semantic and structural terms. The subject of the study is the volume of lexical meaning and potential derivational connections of nouns recorded in two synchronous language formations. The relevance of the study is determined by the complex history of the Russian and Belarusian borderland, which is reflected both in the Smolensk patois and in the Belarusian language, which had been created on the dialect basis. The vocabulary of the Russian and Belarusian borderland belongs to a single cultural and historical continuum determined by the history of the region, it reflects the diverse material and spiritual ties of the two language idioms' speakers. The complexity of the historical relations between the two language systems, one of which is codified and has the status of an official language (Belarusian language), and the second exists only in an oral form and has a norm due to internal language laws of development (Smolensk patois), has led to the fact that when studying two language formations at the present stage, it is possible to speak not only about unambiguous types of relations between words, but also about peripheral types, about zones of various transitions, changes in lexical and grammatical semantics, which can potentially be points of development of two idioms in the future and are therefore valuable for study.

Keywords: Smolensk patois; Belarusian language; underived nouns

For citation: Lunkova E.S. Vzaimodeystviye neproizvodnoy leksiki smolenskikh govorov i belorusskogo yazyka (nepolnyye leksicheskiye sootvetstviya) [The interaction of the underived vocabulary of the Smolensk patois and the Belarusian language (incomplete lexical matches)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 202-212. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-26-202-212 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Отдельную группу диалектных существительных, обладающих в смоленских говорах конкретно-предметным значением, составляют слова, у которых нет буквального совпадения лексических значений с аналогичными или схожими существительными белорусского языка, но при этом устанавливаются разного рода семантические, мотивационные или опосредованные деривационные отношения с однокоренными белорусскими словами. Эти слова не поддерживаются совпадениями в группе белорусских говоров (могилевских и витебских), пограничных со смоленскими говорами, следовательно, можно предположить, что в белорусский

язык эти единицы пришли из других групп говоров (или не были зафиксированы в словарях пограничных говоров, хотя это предположение кажется маловероятным). Выделенные для анализа диалектные слова противостоят другим, которые либо находят полное соответствие в белорусском языке и белорусских говорах, либо не находят соответствий вообще. К первой группе соответствий, по нашим наблюдениям, относятся около 250 слов, ко второй группе, наоборот, не имеющей соответствий в белорусском языке, – около 750 слов.

По проведенным нами исследованиям [1; 2] вся непроизводная конкретно-предметная

диалектная лексика смоленских говоров может быть соотнесена с белорусским языком и с белорусскими говорами по следующим основаниям:

1) группа диалектных слов, бытующих в Смоленской области, которые находят лексические соответствия и в белорусском литературном языке, и в соседних со Смоленщиной говорах Витебской и Могилевской областей (на долю этой лексики приходится 11 % от общего количества);

2) группа диалектных слов, которые находят соответствия в смоленских говорах и в белорусском литературном языке, без опосредованной фиксации в белорусских говорах (13 %);

3) группа диалектных слов, которые существуют в смоленских говорах и пограничных белорусских говорах и не встречаются при этом в белорусском литературном языке (9 %).

Необходимо отметить, что при всём многообразии отношений, указанных выше, самую значительную часть диалектной смоленской лексики составляют слова, которые не находят соответствий в белорусском языке и в белорусских пограничных говорах (67 %).

В силу названных выше причин отдельный интерес вызывает переходная диалектная группа непроизводных существительных, находящаяся в центре рассмотрения в данной статье: группа семантических переходов, деривационных сдвигов, демонстрирующая расхождения в двух близкородственных языковых образованиях.

Критерий производности-непроизводности, заложенный для классификации конкретных существительных в смоленских говорах, представляется важным, поскольку он предполагает работу как с наиболее древними пластами диалектной лексики (сюда можно отнести непроизводные слова с конкретно-предметной семантикой, всего около 1200 единиц), так и с относительно новыми языковыми образованиями, демонстрирующими последовательную конкуренцию словообразовательных типов и моделей во всей многомерности их лексико-словообразовательных связей и отношений (производных слов с конкретно-предметной семантикой обнаруживается около 4500). Критерий производности-не-производности диалектной лексики

объясняет устойчивость функционирования большого количества производных слов в русско-белорусском пограничье; эту устойчивость поддерживает, по-видимому, расчленённая внутренняя форма производных диалектных слов – в отличие от непроизводных, которые представляют в этой связи особый интерес для исследования: при отсутствии таких внешних формальных показателей, как аффиксы, эти слова существуют в лексическом ядре смоленских говоров, о чём свидетельствует значительное количество их фиксации по разным районам области.

Исследование непроизводных существительных смоленских говоров проводилось по «Словарю смоленских говоров» [3] и карте Словаря, по «Региональному историческому словарю второй половины XVI – XVII века (по памятникам письменности Смоленского края)» [4]; отдельные сведения уточнялись по «Словарю русских народных говоров»¹, «Словарю русского языка XI–XVII вв.» [5], «Этимологическому словарю русского языка» [6] и «Словарю русского языка» [7].

Исследование лексики белорусского языка велось по «Толковому словарю белорусского языка»². В качестве справочного материала, помогающего установить ареальные характеристики диалектных единиц русско-белорусского пограничья, использовались «Материалы для областного словаря Могилевщины»³ и «Региональный словарь Витебщины»⁴. В отдельных случаях в качестве справочного материала использовался «Słownik współczesnego języka polskiego»⁵.

Все непроизводные диалектные существительные, которые рассматриваются в данной работе, обнаруживают разного рода параллели в белорусском языке, но демонстрируют при этом семантические различия или структурное несовпадение – по данному кри-

¹ Словарь русских народных говоров. Москва; Ленинград, Санкт-Петербург: Наука, 1965–2010. Вып. 1–43.

² Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. Менск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1977–1984.

³ Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны. Мн.: Навука і тэхніка, 1981. 121 с.; Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны. Вып. 2 Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2005. 88 с.

⁴ Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны. УА «ВДУ імя П.А. Машэрава». Частка 1. Віцебск, 2012. 304 с.; Частка 2. Віцебск, 2014. 358 с.

⁵ Słownik współczesnego języka polskiego: 2 toma. Warszawa: Przegląd Reader's Digest, 2001.

терию слова могут быть поделены на две большие группы. В первую группу входят существительные, у которых наблюдаются разного рода расхождения в объёме лексического значения, но при всём различии этих слов у них есть общие семы и обнаруживается сходство обозначаемых понятий. Вторая группа объединяет существительные, связанные не только отношениями лексической мотивации, но и, по всей видимости, в диахронии – отношениями производности. Во вторую группу можно отнести конкретно-предметные существительные смоленских говоров, которые по форме проще или, наоборот, сложнее, чем обнаруженные сходные слова белорусского языка. Представляется вероятным предположить, что данные диалектные существительные могли на определённом этапе развития диалектов использоваться как производящие для современных белорусских слов, с другой стороны, некоторые из них были производными от тех единиц, которые исчезли в смоленских говорах, но сохранились до сих пор в белорусском языке. Вторая группа слов может служить наглядной иллюстрацией сложности деривационных отношений в диалектах с точки зрения диахронии и может быть использована для изучения истории словообразовательных гнезд в русских народных говорах.

1. Группа лексически соотносящихся существительных.

1.1. Незначительные расхождения в семантике диалектных смоленских слов и слов белорусского языка, при тождестве общей семы. Изменение семантики может сопровождаться незначительными изменениями грамматической формы слов.

балагол *устар. еврейский дилижанс: паехали у балаголі (смол.)*

балагула *1. Крытая дорожная повозка, в которой ездили евреи. 2. Извозчик на такой повозке (смол.)*

балагол *устарелае слова, устарэлы выраз Той, хто займаецца перавозам грузаў ці людзей на ўласнай фурманцы: семінарысты склаліся разам і нанялі балагола // Спецыяльная фурманка для перавозу грузаў ці людзей (лит. белор.)*

вочки *углубление на шкале весов (безмена): вярэвычку дяржыш рукою, на вочки пиридвигаііш (смол.)*

вочка *невялікая (звычайна круглая) адтуліна ў якім-н. прадмеце: вочкі гузіка, дзвярное вочка (лит. белор.)*

гляк *глиняный ручной мойник: у хэзьяйстве гляк нужын сильна (смол.)*

гляк *нізкая гліняная пасудзіна з выпуклымі бакамі і вузкім горлам: гляк сцюдзёнай вады (лит. белор.)*

В похожем значении «глиняный ручной мойник» слово **глек** встречается в курских говорах⁶. Возможно, происходит от диалектного украинского слова **глея** в значении «глина» [6].

закот *боковые части чердака: в доми два закота, на вулицу и нь абратный стыранё (смол.)*

закот *франтон, звычайна з тонкага бярвення: акенца круглае ў закоце (лит. белор.)*

В значении «передняя часть чердака» слово встречается в брянских говорах⁷, что при отсутствии других фиксаций употребления может свидетельствовать о западном ареале распространения существительного в русских народных говорах и несомненных связях с белорусскими говорами и белорусским языком.

кабат *верхняя часть сарафана, лиф, к которому прикреплялась юбка: пришивала кыбат с пыткадычкый к сыяну (смол.)*

кабат *устарелае слова, устарэлы выраз Род жаночай цёплай камізэлькі, безрукаўка: яна носіць спадніцу і зверху сарочкі нейкую камізэльку, якую заве кабатам (лит. белор.)*

Слово встречалось в древнерусском языке со значением «вид царской одежды», в процессе функционирования приобрело другое значение «рабочая рубашка, куртка, кофта» [6]. Похожее значение зафиксировано и в [5]: **кабать** «род верхней одежды у иностранцев («немцев»), 2) царская одежда». В Словаре

⁶ Словарь русских народных говоров. Москва; Ленинград, Санкт-Петербург: Наука, 1965–2010. Вып. 1–43.

⁷ Там же.

русских народных говоров отмечаются близкие к смоленскому значения: «2) деревенское женское платье. (Волог., Арх.); 5) лиф, надеваемый поверх сорочки, к андараку. (Смол., Зап.-Брян., Брян., Смол., Зап. (Даль))»⁸. Там же находим слово женского рода **каба́та** со значением «лиф, к которому прикреплялась юбка» и пометой «Смол.». Это позволяет говорить о восточном ареале распространения слова и переосмыслении его значения в русских народных говорах, даже при возможном раннем заимствовании.

капту́х *кожаный мешочек для денег, привешиваемый к поясу: пъялажи грошы у каптух (смол.)*

капшук *мяшочак для тытуню, махоркі, які сцягваецца шнурком; кісет: вялікі капшук з тытунём (лит. белор.)*

Примечательно, что в фонетическом оформлении **капту́х** слово встречается лишь в смоленских говорах, в то время как другие фонетические варианты слова распространены шире: **капчук** «мешок, кошелек», **капшук** «кисет» (пск., твер., смол., арханг., курск.) [6], с указанием на турецкое происхождение. Слова **капшук** и **капчук** даны в Словаре русских народных говоров как варианты с расширением ареала употребления: «1) кисет (Смол., Пск., Новг., Твер., Ленингр., Онеж., Арх., Красноярск., Латв. ССР); 2) кошелек (Тул., Курск., Орл., Ворон., Брян., Смол., Арх., Лит. ССР)»⁹. Все это говорит в пользу того, что в белорусские говоры и в белорусский язык слово пришло с востока, вероятно, не через смоленские говоры.

кут *передний почётный (красный) угол: самых дырагих гостей, жыниха и нявесту, у нас усё у кут садилі (смол.)*

кут *месца, дзе сыходзяцца ўнутраныя бакі прадмета; частка памяшкання, прастора паміж дзвюма сценамі: хадзіць з кута ў кут. // Самае пачэснае месца за сталом на покуці: кут дарагому госцію (лит. белор.)*

Слово принадлежит к общеславянскому лексическому фонду с расходящимися в сла-

вянских языках и диалектах лексическими значениями, из которых преобладает значение «угол» [6]. Это же значение является основным и в белорусском языке. В русских народных говорах слово распространено достаточно широко, однако значение «5. Передний красный угол, самое видное и почётное место в доме. (Пск., Смол., Брян., Курск., Орл., Тул., Новг., Калин.)»¹⁰ локализовано преимущественно в юго-западных и северо-западных говорах. Таким образом, в данном случае можно говорить об исконном существовании слова в смоленских и белорусских говорах (белорусском языке) при разных ареалах употребления разновидностей лексического значения многозначного слова.

одрына *место под дворовым навесом для коровы: карову в адрыну пывилá (смол.)*

адрына *халодная будыніна для захоўвання кармоў, сельскагаспадарчага інвентару; пуня: нанасілі з адрыны канюшыны (лит. белор.)*

подло́ва *чердак (смол.)*

падлога *насціл у памяшканні, на якім ходзяць: паркетная падлога (лит. белор.)*

В русских народных говорах слово не зафиксировано, скорее всего, это польское существительное *podłoga* в значении «пол»¹¹, пришедшее из польского языка через белорусские говоры (белорусский язык) в смоленские говоры.

пóлок *лежанка русской печи: кали зымарильсь, прыляш на пóлк (смол.)*

палок *нары паміж печчу і ложкам або паміж печчу і супрацьлеглай сцяной уздоўж глухой сцяны ў сялянскай хаце: нявестка, памыўшы посуд, прылягла на палку пры печы (лит. белор.)*

Со значением «род нар в избе (Курск., Брян., Тул.)» слово зафиксировано в Словаре русских народных говоров¹².

¹⁰ Там же.

¹¹ Słownik współczesnego języka polskiego: 2 tomy. Warszawa: Przegląd Reader's Digest, 2001.

¹² Словарь русских народных говоров. Москва; Ленинград, Санкт-Петербург: Наука, 1965–2010. Вып. 1–43.

рында́ль *железные сошники сохи* (смол.)
рыдлёўка *ручная прылада для капання; металічная лапата*: я рыдлёўкай выкопваў бульбу (лит. белор.).

скарбонка *кошелёк*: у скарбонки были гроші (смол.)

шкарбонка *пустая старая коробка*: пылажы у шкарбонку (смол.)

скарбонка *скрыначка, бляшанка і пад. з вузкай шчылінай для збірання, назапашвання грошай*: ён разбіў сваю фарфоравую скарбонку і пералічыў грошы (лит. белор.).

Существительные образованы от широко распространённого в славянских языках и диалектах слова **скарб** со значениями «сокровище, богатство; сокровищница, собственность» [6].

фіранка, фіряб *полотенце любое: для иконы, исполнения обрядов, вытирания рук, посуды*: у вуглу избы висить хвиранка ; аб хвирыяп хъзяйка руки вытираіць (смол.)

фіранка *заслона з тонкага матэрыялу або з карунак на вокны, дзверы і пад.*: белыя фіранкі на расчыненых вокнах (лит. белор.)

В данном случае представлено заимствование из польского языка *fiřana*, *fiřanka* «занавеска на окно»¹³. В иных вариантах слово встречается в русских народных говорах: *фирюбина*, *ферябка*, *ферюбка*, *фаряб* «тряпка» [6].

хлуд *прут, хворостина; жердь, шест*: паехъли за сеньм, а привязли адну хапку , пьтаму что хлуд слъмалй (смол.)

хлуд *дробны хвораст, вецце*: бульдозер рэжа хлуд балацяны, кусты (лит. белор.)

Слово является общеславянским по происхождению, широко распространено и в русских народных говорах, и в славянских языках [6]; в данном случае имеет разные грамматические характеристики в смоленских говорах (конкретное существительное) и в белорусском языке (собирательное существительное).

шлёнка *1. Тонкая овечья шерсть*: шлёнка ня гонна валинки валиць. *2. Платок из шерсті* (смол.)

шлёнка *1. Авечка шлёнскай пароды. 2. Футра гэтай авечкі* (лит. белор.).

Слово представляет собой заимствование из польского *ślaska owca*, встречается в белорусском и украинском языках [6]. В смоленских говорах слово, называющее животное, не встречается, остался метонимический перенос «шерсть, платок из шерсти».

1.2. Существенные расхождения в семантике существительных смоленских говоров и белорусского языка, при которых слова могут часто иметь, сохранять или развивать лишь какой-то периферийный признак для сближения. Однако констатация этих слов, даже при кажущемся значительном расхождении, необходима, поскольку они демонстрируют варианты развития диалектной семантики и возможные пути приращения новых лексических и грамматических значений.

вуда *длинный кнут*: пастух узяу вуду кароу у поля гнаць (смол.)

вуда *рыбалоўная снась, якая складаецца з вудзільна і лескі з кручком*: Сідар ладзіў вуды, рагаткі, збіраючыся падацца на раку на рыбную лоўлю (лит. белор.)

зрэпка *1. Самодельные салазки: решето, ящик, таз и т.п., обмазанные коровьим навозом и замороженные*: зрэпка тыкая с дери́ва, загнутыя, падлеплиныя навозым и замёршыя. На зрэпках мы и кыталісь, абаллеш вадой, зымарозиш и кытаісься. *2. Деревянная основа сита*: зрэпка харошыя липывыя (смол.)

зрэб'е *1. Грубая кастрывая кудзеля, якая аддзяляецца пры трапанні лёну, пнянкі. 2. Палатно з такой кудзелі*: ткаць зрэб'е на мяшкі і ручнікі. // *Адзенне з такога палатна*: грубое зрэб'е (лит. белор.)

Очевидно, что в данном случае нет отношений производности, оба слова относятся к какому-то единому производящему в диахронии, с позиций же синхронии демонстрируют разные линии в словообразовательном гнезде, а возможно, и разрозненные фрагменты уже исчезнувшего гнезда.

¹³ Słownik współczesnego języka polskiego: 2 tomy. Warszawa: Przegląd Reader's Digest, 2001.

і́рхя *кожаная куртка*: в вичару пхь-льдаить, надень ірху́ (смол.)

і́рха 1. *Вузенькая палоска скуры або аўчыны, якая закладваецца ў шво кажуха, рукавіцы і інш.* 2. *размоўнае слова Тасёмка або вузкая палоска аўчыны, якой абшываюць край адзення або абутку для ўпрыгожання ; аблямоўка* (лит. белор.)

В [6] находим слово **ирха, ирга** «замша, дубленая овечья или козья шкура», что является заимствованием *igcha* «замша» через польский язык из немецкого. В [4] обнаруживаются производные прилагательные **иршаний** и **иршенный** в значении «сделанный из замши (ирхи)». Все это свидетельствует в пользу заимствованного характера диалектизма в смоленских говорах.

клёк *рассол*: увесь клёк прълила́ (смол.)

клёк 1. *Розум, развага*: клёк у хлопца. 2. *Жыццёвая сіла; сокi*: калі ў чалавеку няма ўжо клёку, дык ніхто яму не паможá (лит. белор.)

лика́ *поле единоличника́* (смол.)

лік *паняцце колькасці, велічыня, пры дапамозе якой праводзіцца лічэнне*: простыя лікі, цэлыя лікі (лит. белор.).

Нужно отметить, что у данного существительного в белорусском литературном языке выделяются шесть значений, все они так или иначе связаны с первым значением, обозначающим количество и приведённым выше в примере; с этим же значением связана идея количества, реализуемая в семантике смоленского диалектизма. В Словаре русских народных говоров зафиксировано слово **лек** со значением «участок хлебного поля; нива (смол.)» без отношения к идее количества¹⁴. Все это говорит в пользу заимствованного характера существительного в смоленских говорах.

ру́шты *леса при строительстве дома*: шшас гъвырять — лиса ставить, а тыда усё гыварили рушты ставить (смол.)

руш *палоска лёгкай тканіны, сабраная ў зборкі для абшывкі чаго-н.* (лит. белор.)

Можно предположить метафорический перенос в смоленских говорах, однако история слова требует дальнейшего изучения, возможно, здесь изначально имела место лексическая омонимия.

ряпа *соль*: раншы ряпа дужа дырыгая была, тэк за ей у горыт хадилі́ (смол.)

рапа *спецыяльны тэрмін Вада салёных азёр, марскіх заліваў з высокай канцэнтрацыяй солей (выкарыстоўваецца ў лячэбных мэтах)* (лит. белор.)

тельпу́х *чурбан*: у дроуни лижать тильпухі́ (смол.)

цельпукаваты *размоўнае слова Няскладны, непаваротлівы*: шыракаплечы цельпукаваты Саша выглядаў асілкам супраць худзенькага, дробненькага Аляксея(лит. белор.)

Можно предположить, что эти слова исторически относились к одному словообразовательному гнезду, связи между элементами которого уже распались.

трань *то, сквозь что цедят молоко; цедилка*: прinyaси-ка трань, мылако буду цадыть (смол.)

транты *лахманы; старая надраная адзежа, бялізна*: наш хлопец у трантах ходзіць (лит. белор.)

2. Группа существительных, потенциально устанавливающих отношения производности в смоленских говорах и в белорусском языке.

Особую группу слов составляют существительные смоленских говоров и белорусского языка, потенциально допускающие наличие отношений производности между ними. Эти слова с точки зрения синхронного словообразования разошлись в разные словообразовательные модели, принадлежащие независимым языковым идиомам. В то же время они могли принадлежать (скорее всего, принадлежали) одному словообразовательному гнезду с точки зрения истории говоров и находились в отношениях непосредственной производности. Эти отношения производности до сих пор достаточно очевидны в силу формальной и смысловой близости условно производной и условно производящей единиц.

¹⁴ Словарь русских народных говоров. Москва; Ленинград, Санкт-Петербург: Наука, 1965–2010. Вып. 1–43.

2.1. Условно производные отглагольные существительные в смоленских говорах:

баўт 'полюый деревянный стаканчик на палке, котрым ударяют по воде во время рыбной ловли, чтобы испугать рыбу' (смол.)

баўтануць 'рэзка, адрывіста пляснучь чым-н. па вадзе: сом блізка баўтануў хвостом' (лит. белор.).

крэзало 'нож в плуге: кризала стала вочинь тупой' (смол.)

крэсліць 'праводзіць па чым-н., пакідаючы сляды ў выглядзе ліній: нейкі час крэсліла нешта па пяску канцом парасона' (лит. белор.).

осмалыцы 'остатки жареного сала: еш там нь скьвrade асмалыцы' (смол.)

асмаліць 'абвугліць, абпячы наверхню ці канцы чаго-н.: асмаліць агнём' (лит. белор.).

Белорусский глагол ближе по форме и значению смоленским говорам, чем глагол **осмалівать** «1) опаливать свиную тушу, удаляя волоски, щетину и т. п. (Смол., Южн., Зап., Пск., Курск.)»¹⁵, однако оба слова восходят к общеславянскому лексическому фонду, то есть присутствуют во многих славянских языках и диалектах.

плёха 'баня' (смол.)

плёхаць 'рэзкім рухам выліць ваду, вадкасць: Мікола плёхаў вадой на твар' (лит. белор.).

Место ударения в обоих словах говорит в пользу соотношения смоленского слова с белорусским языком, несмотря на наличие глагола **плехаць** «плескать, лить, брызгать» в новгородских, псковских и тверских говорах [6].

пахістка 'лоскут, тряпка: ета пахістка дужа грязныя, дай другую' (смол.)

пахістаць 'хістаць некаторы час: сеў каля стала, агледзеў хату, пахістаў кульгавы столі (хістаць – прыводзіць у хістальны рух; ківаць з боку ў бок) (лит. белор.)

рыковка 'водка: раньшы рыкьуку пили, а тыперь сьмагонку' (смол.)

рыкаць 'груба, раздражнёна і адрывіста крычаць на каго-н.: не рыкаць на мяне! (лит. белор.)

В данном случае потенциально возможен метафорический перенос в процессе номинации, однако история слов требует более детального изучения.

2.2. Условно производные отсубстантивные существительные в смоленских говорах:

буслыня 'длинный шест с раздвоенным концом, с помощью которого подают снопы наверх' (смол.)

бусел '1. Вялікая пералётная птушка з доўгай прамой чырвонай дзюбай і высокімі чырвонымі нагамі: па балоце хадзіў, шукаючы жаб, бусел. 2. размоўнае слова *Высокая бутэлька гарэлкі*: тры «буслы» гарэлкі высока падымалі галовы над стусамі закусак' (лит. белор.).

Можно предположить метафорический перенос в смоленских говорах по первому или второму из значений, зафиксированных в литературном белорусском языке, причём добавление суффикса -ын(я) закрепляет грамматическое оформление диалектизма.

дроґалка 'укрепленное на переднем или заднем плоту большое длинное весло, котрым правят плоты (гонки): придельвыли дрыгалку нь пяряду, нь пяредним плату и на задним тожа. Ну, тькая брянушка, ни асоба тьжолыя, стёсынная с абеих старон, а йде рукой брацца, была паструглина, штоб лоука диржацца' (смол.)

драга '1. Плывучая землечарпальная машына, прызначаная для распрацоўкі россыпных залежаў карысных выкапняў (золата, плаціны, волава і інш.), а таксама для паглыблення дна рэк, азёр і пад. 2. Прылада для здабывання жывёл і раслін, якія жывуць на дне вадаёмаў' (лит. белор.)

Можно предположить, что терминологическое значение существительного в смоленских говорах было утрачено, а общая сема «приспособление, находящееся в воде», на-

¹⁵ Словарь русских народных говоров. Москва; Ленинград, Санкт-Петербург: Наука, 1965–2010. Вып. 1–43.

шла отражение в аффиксальном оформлении слова.

рого́жка *пространство между матицами: чатыри рагошкі у нас у хаті* (смол.)

рог *месца, дзе сыходзяцца, сутыкаюцца два знешнія бакі аднаго прадмета; вугал: на рагу стала ляжаў нейчы капшук* (лит. белор.)

В данном случае обращает на себя внимание сближение пространственной семантики обоих слов. С другой стороны, возможно и иное объяснение смоленского диалектизма, через белорусское **рагоз**, которое восходит к праславянскому **rogozja* «тростник, камыш» [6]. Известно, что в избах (хатах) на Смоленщине использовали тростник для перекрытия потолка, то есть в процессе номинации был возможен потенциальный метонимический перенос с одной лексемы на другую, тем более поддерживаемый аффиксальным оформлением (суффикс -к(а) в *рогожка*).

фарбо́ты *кружева: пляли кружавины, хварботы* (смол.)

фарба *звычайна множны лік Барва, колер, тон: фарбы асенняй прыроды* (лит. белор.)

Как и в предыдущем случае, предположим потенциальный метонимический перенос с одной лексемы на другую в процессе номинации в смоленских говорах.

черепа́ха *о выцербленной, надтреснутой чашке: налеш сабе у чиріпаху, а гостю – у чарэпкú* (смол.)

чере́пня *глиняная посуда: мьлако у чиріпне діржали, смітанú* (смол.)

чэрап *абломак, асколак разбітага глінянага, шклянога, фарфоравага і пад. посуду: чарапы ад збанá* (лит. белор.)

В общеславянском лексическом фонде существует слово «череп» со значением «изделие из глины, кровля на избе и т. п.», куда относится также *черепица, черепок* [6] и к которому потенциально восходят смоленские диалектизмы. Примечательно, что в смоленских говорах лексема известна давно – см. **черепь** «горшок» в [4].

3. Сложнее по форме существительные в белорусском языке:

копа́н *оглобля, сделанная из ствола, согнутого к корню: раньшы нъ кыпаны дірива выбірали харошыы. Выкапывылі, штоб нямнога корыня астывалысь. Кыпан, аглобля эта, харошыя пулучалысь* (смол.)

копа́нік *размоўнае слова Полаз з дрэва, выкананага з каранем: які полаз трывалейшы – гнуты альбо копа́нік* (лит. белор.)

Слово относится к восточнославянскому лексическому фонду, в [5] отмечено значение у слова **копань** «4) комлевая часть ствола хвойного дерева с отрезком крупного корня под углом к стволу, используемая в основании судов», которое присутствует в несколько изменённом виде и в смоленских говорах, и в белорусском языке. В ходе исторического развития слово поменяло родовую принадлежность – и в смоленских говорах, и в белорусском языке оно сейчас мужского рода.

рышт *борозда на грядке: сильна рышты глыбокіы длі буракоу здельны* (смол.)

рышто́к *жалабок, канаўка, раўчук для сцёку вады: прыдарожныя рышткі* (лит. белор.)

Существительное восходит к польскому *gynsztok* «сточная канава, водосток», в русских народных говорах слово не зафиксировано. Вероятно, лексема **рышт** в смоленских говорах возникла в процессе редеривации (обратного словообразования) в результате утраты аффиксального оформления исходного слова.

4. Условное производное от белорусского прилагательного в смоленских говорах единично:

цупка *крошка хлеба: были уримины у вайну, кыда цупкі хлеба быу рат* (смол.)

цупкі *цвёрды, жорсткі; каляны: сядло рыпела цупкай сырыцай* (лит. белор.)

В русских народных говорах слово не зафиксировано, его история требует дальнейшего изучения.

Таким образом, в рассматриваемую группу существительных, функционирующих в смоленских говорах и соотносимых со схожими единицами белорусского языка, вошли слова, которые представляют интерес для исследования с точки зрения развития лексического значения и словообразовательных связей в диахронии и синхронии. Количество таких слов – 38, что является достаточно большим показателем. Эти слова практически в каждом случае требуют дополнительных исследований в области этимологии для доказательства исторического сходства. Некоторые из них по-прежнему остаются затемнёнными в плане этимологических связей, но при этом достаточно полно соотносятся по форме и значению в двух языковых системах (например, *вочки*, *одрина* (*адрына*), *рындадь* (*рыдлёўка*) и некоторые другие).

Описываемые слова наглядно демонстрируют многообразие форм существования

лексем в двух параллельных лексических системах: слова могут быть заимствованиями из одного языка или группы говоров в другие (обращает на себя внимание наличие слов, пришедших в смоленские говоры из польского языка через посредство белорусских говоров или белорусского языка: *подлова* (*падлога*), *фиранка* и *фиряб* (*фіранка*), *шлёнка* и закрепившихся там с несколько измененной семантикой; из украинских говоров *гляк* (от *глея*) и др.), а могут являться лексическими параллелями с ограниченными ареалами распространения в двух контактно расположенных языковых системах (например, *кут*, *каптух* (*капишук*), *полок* (*палок*)). В любом случае описанные диалектные единицы являются наглядными примерами действия языковых механизмов, связанных с изменением и развитием лексических и словообразовательных значений в отдельно взятых языковых образованиях.

Список литературы

1. *Лунькова Е.С.* Лексические параллели в смоленских и могилевских говорах (непроизводная лексика) // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 3. Вып. 47. С. 130-140.
2. *Лунькова Е.С.* К вопросу о взаимодействии смоленских говоров и белорусского языка // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 669-685. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-669-685
3. *Словарь смоленских говоров* / под ред. А.И. Ивановой, Л.З. Бояриновой. Вып. 1-11. Смоленск, 1974–2005.
4. *Региональный исторический словарь второй половины XVI – XVII вв. (по памятникам письменности Смоленского края)* / под ред. Е.Н. Борисовой. Смоленск: Смолен. гос. пед. ун-т, 2000. 368 с.
5. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / отв. ред. С.Г. Бархударов. Москва, Санкт-Петербург: Наука, 1975–2015. Вып. 1–30.
6. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 4-е изд., стереотип. М.: Астрель – АСТ, 2004.
7. *Словарь русского языка: в 4 т.* / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. стереотип. М.: Рус. яз., 1985–1988.

References

1. *Lunkova E.S.* Leksicheskiye paralleli v smolenskikh i mogilevskikh govorakh (neproizvodnaya leksika) [Lexical parallels in Smolensk and Mogilev dialects (non-derived vocabulary)]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Smolensk State University], 2019, no. 3, issue 47, pp. 130-140. (In Russian).
2. *Lunkova E.S.* K voprosu o vzaimodeystvii smolenskikh govorov i belorusskogo yazyka [The issue of interaction of Smolensk patois and the Belarusian language]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 669-685. (In Russian). DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-669-685
3. *Ivanova A.I., Boyarinova L.Z.* (eds.). *Slovar' smolenskikh govorov* [Dictionary of Smolensk Ptois]. Issue 1-11, Smolensk, 1974–2005. (In Russian).
4. *Borisova E.N.* (ed.). *Regional'nyy istoricheskiy slovar' vtoroy poloviny XVI – XVII vv. (po pamyatnikam pis'mennosti Smolenskogo kraya)* [Regional Historical Dictionary of the Second Half of the 16th – 17th Centuries. (On the Monuments of Writing of the Smolensk Region)]. Smolensk, Smolensk State University Publ., 2000, 368 p. (In Russian).

5. Barkhudarov S.G. (executive ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries.]. Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 1975–2015, issue 1–30. (In Russian).
6. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Astrel – AST Publ., 2004. (In Russian).
7. Evgenyeva A.P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 1985–1988. (In Russian).

Информация об авторе

Лунькова Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка. Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация. E-mail: ttf32lunkova@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования: в статье впервые в истории изучения смоленских говоров был поставлен вопрос об их взаимодействии с белорусским языком с позиций синхронии; подбор первичного материала/сбор данных: впервые установлены лексические параллели производных существительных в смоленских говорах, в пограничных с ними витебских и моголевских говорах (в данной статье для последующего сужения проанализированного диалектного материала), и в белорусском литературном языке; произведен анализ полученных результатов по материалам трёх языковых источников (русских говоров, белорусских говоров, белорусского литературного языка).

Поступила в редакцию 23.12.2020 г.
Поступила после рецензирования 24.01.2021 г.
Принята к публикации 28.01.2021 г.

Information about the author

Ekaterina S. Lunkova, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department. Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation. E-mail: ttf32lunkova@mail.ru

Contribution: Study conception: for the first time in Smolensk patois study history, the issue of its interaction with the Belarusian language and in parallel with the Belarusian patois from the position of synchrony is raised; source material acquisition/data acquisition: for the first time, lexical parallels of non-derivative nouns are established in Smolensk patois, bordering Vitebsk and Mogilev patois (in this study for the subsequent narrowing of the analyzed dialectal material), and in the Belarusian literary language; the obtained results analysis is carried out on the basis of materials from three linguistic sources (Russian patois, Belarusian patois, and Belarusian literary language).

ORCID: 0000-0003-2536-9886

Received 23 December 2020
Reviewed 24 January 2021
Accepted for press 28 January 2021